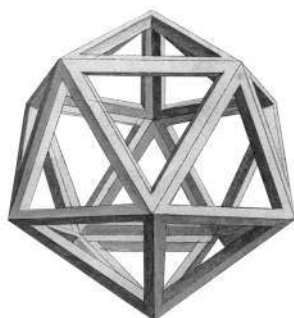

В Л А Д И М И Р

МАКАНИН

В Л А Д И М И Р
МАКАНИН

Обстрел

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 15

Оформление серии *Петра Петрова*

Роман выходит в новой авторской редакции

Издательство выражает благодарность
Наталье Саниной за помощь в приобретении прав

Маканин В. С.

М 15 Обстрел / Владимир Маканин. — М. :
Эксмо, 2014. — 256 с. — (Проза современного
классика Владимира Маканина).

ISBN 978-5-699-70904-5

Острый и злой роман Маканина «Обстрел» — это абсолютно новая авторская редакция хорошо известного читателю романа «Испуг», в свое время наделавшего много шума. В чем только не обвиняли Маканина, когда «Испуг» увидел свет: и в упрощении, и в пошлости, и в эротизме. Прочсть сложную метафору Силы и Бессилия самого Времени в столкновении с политическим катаклизмом смогли немногие. Новая редакция романа призвана расставить все точки над *i* и заставить по-новому взглянуть на события начала девяностых в нашей многострадальной стране.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-70904-5

© Маканин В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Часть 1
ЛЮБОВНАЯ ЛИНИЯ

1

Ни к чему много света. Закопная луна понимала в живописи. (Картина старых мастеров. Уже Вермеер. Вот он. Откровенный. Самую чуть.) Хотя, по сути, чтобы мне пускать слюну, лунному лучу открыто было не так уж много. Лицо... И сонно нависшая женская грудь. И, пожалуй, рука — узкая, выпроставшаяся из-под легкого одеялка.

Я немного придвинулся. Я чужак, не напугать бы. За полчаса я всего-то преодолевал расстояние в сантиметр. А что поделать! (Зато в их дом я пробрался за пять минут — половицей не скрипнув, прошел веранду, прошел комнату. Большую их комнату с фортепьяно... Взял влево... И в три мягких шага оказался в спальне.) Однако теперь медлил и вел счет на сантиметры... Тем более что, едва придвинувшись на первый же смелый сантиметр, я замер. Я вдруг учуял запах. Как бы от ее лица. Сладковатый.

Что-то необычное и пряное?... Эту пряность ее дыхания я учуял еще вчера. Утром. (Когда напросился к ней, к Даше, на чай.) Но я так и не

угадал запах... Луч... Я тонул глазами. Луч не давал думать...

Насторожившись, я втянул воздуха (и сладковатого ее запаха) побольше... Спит... Я еще к ней склонился. Еще. Получалось, что я осторожно пробовал лечь с ней рядом. (Я хотел бы лечь. Это правда. Но движения, чтобы лечь, я не делал.) Я только вбирал ее пряное дыхание. А Даша проснулась.

И тотчас инстинктивно, толчком бедра она сбросила меня на пол. Включила ночник.

Я стал оправдываться. Сидя на полу... Объяснение было, конечно, нелепо. Фантазии в ту минуту никакой!.. Мол, шел ночью к некой женщине, а попал на дачу сюда, к ней. Ошибся в темноте домом...

Даша только фыркнула:

— Что за сказки, Петр Петрович!

Но я опять... На дачах бывает!.. Ночью вдруг заблудишься... Темно... Мое словоизлияние Даша перебила решительно — она хотела спать.

— Хватит. Иди на веранду, дед... Там диванчик.

Я подумал, не попытаться ли хотя бы обнять ее. Для контакта.

— Иди, иди, дед! На диван. Там есть одеяло... Утром опять кофейку выпьем.

Я сник.

— Я, Даша, вчера яблоки принес.

— Видела.

— Отличные яблоки.

— Видела... В нашем саду и насобиравал, а?

Я нехотя отправился на веранду — и уже оттуда с обидой ей выговаривал. Ворчал, что, мол, за люди кругом! Что за гнусные наговоры! Эти их дачные склоки... Однако же что правда, то правда. Ее были яблочки. Они. Когда шел, не мог не протянуть руки. Сорвал... Не удержался! (У меня ни такого сада, ни таких яблочек.) А здесь они потрясающи. Они одуряли.

Луна сияла, а я лежал на диванчике и тускло обдумывал неудачу. И заснул. Я как-то и луну забыл.

Даша (уже при ярком утреннем свете) стояла надо мной и с издевкой, молодая, смеялась:

— Дед, а что тебе, хи-хи-хи, от меня было надо?

Я огрызнулся:

— Хи-хи-хи, не скажу.

Смеялась:

— Ну, дед! Ну, влюбленный!.. Ночная атака, ха-ха-ха... хи-хи-хи!.. А в чем, собственно, был твой, хи-хи-хи, интерес? Чего ты хотел?.. Но ты уверен, дед, что ты *чего-то* хотел, ха-ха-ха-ха!

Я вяло поднялся. Нечего смеяться над сонным. (Я хотел, хотел! Не сомневайся!)

Со сна я плескал себе водой в лицо. Я люблю воду.

Именно так. Со сна старикан Алабин плескал себе водой в лицо, и на шею, и за ушами — летним утром холодная вода хороша, освежает.

Услышал голос... Это к Даше соседка. Пришла, притопала. Тощая и облезлая — из тех косматых ведьм, что поуутру всегда что-то, бедные, кляччат. Но при всем том каков голосище... Валерьянку ей и *пару сотен рублей!* Батон хлеба *срочно!* Насос для колодца *до вечера!*.. Что-нибудь да выпросит. Даша очень умно поспешила старухе навстречу — не дать ведьме шанса вопить на весь поселок.

А в воздухе ванной, где старикан умывался, слышалось женское присутствие минуточку-две назад. Чертовка! Плыл и здесь сладковатый пряный запах... Конечно, Даша... Даша была здесь... Ну-ка, ну-ка!

Старый Алабин, втягивая воздух, целил носом то туда, то сюда. Ванная комната обозрима! Где *она?*.. Однако щекочущий стариковские ноздри запахок нигде не становился сильнее. Нет. Никаких таких *порошков...* Теперь — в углах.

Когда крикливая соседка ушла, старый Алабин уже и с углами покончил. Он обследовал зеркало... За зеркалом... В шкафчике. На верхней полочке и даже за трубами с горячей водой (если встать на табурет). На самом полу, возле фаянсового тюльпана... Ничего. Нигде.

И тогда старый Алабин прошел на кухню.

Да, да, я быстро-быстро на кухню — там Даша у плиты разжаривала картошку, зали-

вая ее яйцами. Я подошел тихонько к ней сзади и обнял. Сзади удобно обнимать. Пользуясь тем, что женские руки заняты готовкой.

— Но-но! — прикрикнула. И залилась: — Хи-хи-хи... Ха-ха-ха!

И вчера, и сегодня — прежде чем вот так хихикать и хахакать, она отлучалась в ванную комнату. (Я припомнил.)

— Ха-ха-ха. Хи-хи-хи!.. — И мощно оттолкнула меня задницей.

Кобылица!

Я успел ощупать: в карманах ее халатика ничего не было. Ни намек. И на молодом теле, под легким ситчиком, нигде не топорщилось, не шуршало и не бугрило.

Не обнять ли ее еще разок поутру — в такой, казалось бы, доступности ее молодого тела. Всего-то халатик! — думал я. Но смех настораживал. Смех ее какой-то рваный... Даша как раз повернулась от плиты и шла к столу (и ко мне) с полной шипящей сковородой.

При случае такая сковорода — опасное оружие.

— А я в тюрьме! — засмеялась она.

— А?

— В тю-ууурьме! Ха-ха-ха-ха-ха!.. — Смех стал совсем жесткий (как режущий стекло).

А следом... Уже как вопль... Без перехода, обвалом — в стремительную женскую истерику с криком, с брызгами слез:

— Они меня заперли!.. Заперли! Заперли!.. Ха-ха-ха-ха-ха! В тюрьме!

Она вопила. Судорожно дергала плечом... При этом достаточно аккуратно и метко разбрасывая ложкой содержимое шипящей сковороды по нашим двум тарелкам.

Я ей шутейно подсказал — как это заперли, если двери открыты.

— Двери? Ты, дед, мудака... Что мне двери!

— И окна тоже.

— И окна?! — завопила она прямо мне в лицо. С никак не мотивированным (по отношению к этой минуте) раздражением. При вскриках она еще сильнее дергала плечом. А сковороды в руке!.. Опасно.

Глаза в немыслимой жижке — слезы так и слетали. Слезы тоже разбрасывались по нашим двум тарелкам. И какие слезы! Давно не видел таких крупных.

— Жизни не-ееет! — кричала. (Как ни молодая, как ни современна женщина, она начинает с того, что «жизни нет». И что муж идиот... Классика.)

Она с мужем давно в раздразе... Муженек забрал машину. Да пошел бы он! Она разводилась с ним уже дважды — разведется и в третий!.. И, если разобраться, ее беда не с крыши упала. Не

случайно... Это сговор. Это злой и завистливый (к ее красоте и к ее уму!) заговор людишек. Она не может отсюда выбраться, не может даже сбежать, ОНА В ТЮРЬМЕ, ты понимаешь, старый идол, В ТЮРЬМЕ-ЕЕ-Е... Даже телефон, не поболтать всласть, лимитирован. Поминутная оплата. Непродленная!.. Телефон — только если звать на помощь. Если пожар!.. Если грабят!.. Да хоть бы ограбили, пошли они все!..

Она выкрикивала, а я с настороженностью уставился ей в глаза... Зрачки расширены. Истерика?.. Человек при таких зрачках больше видит — или меньше? (Я тупо припоминал. Из оптики.)

— Они все сговорились!

— Они нехорошие, — поддакивал я.

— Сучары! У всех дела! Свои делишки! А я сиди одна! Одна!..

И вдруг смолкла. Кажется, ее качнуло. Наконец поставила (бросила резким движением) пугавшую меня сковороду на дощечку. А сама села. В плетеное кресло... Как быстро менялась картинка! Она пригорюнилась. Дед, давай запоем. Дед, мудук старый, давай петь!.. Она звучно всхлипнула. Она подперла кулачком щеку и завела — негромко и вполне душевно. А я-аа хочу-уу... Песенный вой прерывался всхлипами. Разве могут молодую женщину понять? В наши нелепые дни?.. *Юбка в клет-точ-чку...*

Но куплета не осилив, молодая страдальца вздохнула и... разок на пробу опять хихикнула — надо же как резво! А зрочки-то, зрочки!

И мне пальчиком, с легкой укоризной:

— Ты, дед, хи-хи-хи-хи, как птичка, которая прилетает к моему окну поклевать. А поклевать — ноль. Меня заперли. Меня крест-накрест. В тюрьме не поклюешь. Хи-хи-хи-хи, птичка ко мне на окошко... Птичка садится...

Я подыгрывал:

— На самые прутья решетки.

Я меж тем поел яичницу. Я хорошо, отлично поел! (А она есть не ела.) Она вся обмякла, откинулась к спинке стула — и руки-ноги вялые, никакие.

Я приобнял ее за плечи и повел мелким шагом к кушетке. Дернулась, но снова обмякла — а я ее бережно вел. Уложил. Я мог ее сколько-то ласкать, гладить, но не более того. Я и сам был парализован ее зрочками.

— Ты глуп, дед, — бормотала она негромко. — Ты совсем без башни. Ты очень глуп... А вот мне клёво. Мне — лучше не бывает! Хи-хи-хи-хи... хи-хи-хи... Знаешь, кто ты?

— Птичка.

— Птичка, хи-хи-хи-хи... прилетевшая... по какому-то идиотскому случаю... — Голос ее стихал. Но она продолжала нести чужь.

Под каждой крышей свои мыши. Еще вчера казалось, что эта Даша так счастлива жизнью

на своей богатенькой даче. И с кучей денег!.. Здесь, за добротным забором, она, казалось, не живет, а только счастливо растет — растет и тянется к своему счастливому огромному солнцу. Яркий подсолнух... Ранний.

— ... Птичка села на решетку... на мою фиговенькую железную решетку. Поклевать — ноль. Хи-хи-хи-хи!

Радиация радости... Из-за их забора шло неслабеющее излучение светлой и благополучной молодой жизни. Я не раз проходил около, разинув рот. Наблюдать за красоткой в саду — это затягивает! Кусок счастья... словно бы там огромный духовитый домашний пирог. (Яичко. Лучок... Как следует поперчено... И привкус. Хруст корки!) В лунные ночи мне о ее, Дашиной, жизни так и думалось — как о большом свежее испеченном пироге. Хотелось отщипнуть. Хоть бы с краю.

Помимо своей красоты, Даша в общении мила, интеллигентна, так что если однажды поутру решиться к ней прийти... Если незваным попросту войти к ним на ухоженное пространство их дачи (одна из лучших здесь дач... собаки нет), то тебя не прогонят... вряд ли прогонят... Пришел, мол, по-соседски. Лето, мол. И сразу что-то решительное, напористое про погоду...